Кондрашов П. Н.
P. N. Kondrashov

**О ПЕРЕВОДЕ НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ
В РАБОТАХ КАРЛА МАРКСА**

**ON TRANSLATION OF SOME PHILOSOPHICAL CONCEPTS
IN KARL MARX'S WORKS**

Кондрашов Петр Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург); 624760, Свердловская область, г. Верхняя Салда, ул. К. Либкнехта, д. 9, кв. 10; +7-992-011-44-13. E-mail: stif.lo@rambler.ru
Mr. Pyotr N. Kondrashov – PhD in Philosophy, Senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg); 624760 Sverdlovsk region, Verkhnyaya Salda, K. Liebknecht str., 9-10; +7-992-011-44-13. E-mail: stif.lo@rambler.ru

Аннотация. В статье показано, что в русскоязычных изданиях работ К. Маркса некоторые философские понятия (*produktiv, erzeugen, Erzeugung, Äußerung, Aneignung, Genuß, Arbeit, Verkehr, Gebrauchswert*) были переведены словами с производственно-экономическим смыслом, в то время как у самого Маркса они в различных контекстах несут в себе философско-антропологические и экзистенциальные коннотации. Это привело к неверному пониманию всей философии Маркса. Автор делает вывод о необходимости нового адекватного перевода трудов Маркса и о радикальном переосмыслении его философской системы.

Summary. The article considers, that in Russian-speaking editions of K. Marx's works some philosophical concepts (*produktiv, erzeugen, Erzeugung, Äußerung, Aneignung, Genuß, Arbeit, Verkehr, Gebrauchswert*) were translated as words with the productive and economic sense while Marx put philosophical, anthropological and existential connotations into these words in various contexts. It led to incorrect understanding of Marx's philosophy. The author of the article draws a conclusion about indispensability of new adequate translation of Marx's works and about radical reconsideration of its philosophical system.

Ключевые слова: философия К. Маркса, философская терминология, перевод, семантические коннотации.

Key words: K. Marx's philosophy, philosophical terminology, translation, semantic connotations.

УДК 930.1.1

Введение. В последние годы в связи с резко изменившимися условиями существования капиталистической мир-системы (распад СССР и социалистического блока, радикальная диверсификация капиталистического способа производства, глобализация, мировой структурный экономический кризис) во всем мире вновь возрождается интерес к антикапиталистическим теориям и практикам, но в первую очередь – к наследию Карла Маркса. В рамках этого ренессанса Маркса (именно *Маркса*, а не Маркса-Энгельса и тем более не марксизма-ленинизма) имеют место действительно новаторские прочтения его философского, социологического и политического наследия, осуществляются, как и в середине XX в., продуктивные синтезы марксовской мысли с различными направлениями общественных и гуманитарных наук (экзистенциализм, феноменология, постмодернизм, лакановфрейдизм, аналитическая философия и даже ницшеанство). Идеи Маркса плодотворно применяются в истории, социологии, археологии, системном анализе, лингвистике, политологии, педагогике. В политической сфере при самом широком использовании марксова «бренда» идеи *самого Маркса*, к сожалению, остаются мало востребованными, ибо левые политические партии уже давно от-

казались от марксизма, используя в своей идеологии такие гибриды идей немецкого мыслителя, которые к нему никакого отношения не имеют (маоизм, троцкизм, ленинизм, сталинизм, анархо-коммунизм, ситуационизм). Этот интерес к Марксу наглядно обнаруживает себя в росте переизданий его работ (в том числе и в России), росте статей, книг и диссертаций, посвященных анализу творческого наследия автора «Капитала».

Однако при всем этом вместе с интересными подходами к интерпретации философии Маркса (а здесь мы берем только его философию, оставляя в стороне все остальные стороны его учения) и попытками выявить аутентичные взгляды Маркса вновь возрождаются вульгарные, примитивные и совершенно превратные «прочтения», редуцирующие идеи Маркса к некоему «рабоче-крестьянскому» материализму, психологическому учению о материальных интересах и потребностях брюха как единственных мотивах деятельности людей во все исторические эпохи, к воинствующему атеизму и антигуманному тоталитаризму. Все это имеет место быть. И самое удивительное: такое положение дел связано, как и прежде, просто-напросто с тем, что *Маркса не читают!* А если и читают, то делают это либо по старым учебникам и хрестоматиям по марксизму-ленинизму, диамату и истмату, либо по современным учебникам философии, авторы которых Маркса также не читали.

Более того, даже если мы все же обращаемся и к текстам самого основоположника, то оказывается, что *нельзя доверять тем переводам, которые имеются на сегодняшний день на русском языке*. Дело в том, что философия Маркса является по своему существу философско-антропологической, гуманистической и даже экзистенциальной, что обнаруживает себя не только в экзистенциально нагруженной терминологии, непосредственно используемой Марксом (отчуждение, бесчеловечность, обезчеловечивание, страдание), но и в экзистенциальных коннотациях вполне обычных терминов. Однако эти коннотации большей частью теряются при неверном переводе некоторых терминов, используемых Марксом, исчезают очень важные семантические оттенки слов, без учета которых адекватно понять мысль Маркса не представляется возможным.

В предлагаемой статье мы на нескольких примерах покажем то, каким образом кардинально извращается и даже обезчеловечивается философская мысль Маркса в переводах его философской терминологии.

Приведем кратко несколько примеров неверного перевода важнейших философских категорий Маркса, которые у него выполняют *экзистенциальную* функцию, несут *жизненно-эмоциональные коннотации*, но в русских переводах, большей частью носящих экономико-производственный оттенок, эту функцию теряют и превращаются в сухие, безжизненные и бездушные технические термины.

Produktiv. Обычно философия Маркса понимается как некая «философия фабрики», «метафизика всеобщей трудовой повинности», в рамках которой действует категорический императив «кто не работает – тот не ест». Связано это, конечно же, с тем, что основные свои работы Маркс посвятил социально-экономическому анализу капитализма, и производственный фактор у него, безусловно, часто выдвигается на передний план, особенно в его учении о *производительных* силах и *производственных* отношениях в структуре способа *производства*. Но это относится к *политической экономии*. В русских же переводах этот *экономико-производственный* смысл был перенесен и в *философское* учение Маркса о человеке, в результате чего вышло, что родовой сущностью человека является не *целеполагающая преобразующая материально-духовная деятельность* (*die Praxis, die Praktik, die Tätigkeit*), *труд* (*die Arbeit*), и – самое ужасное – *производственная жизнь*. Вот что мы читаем в русском переводе «Парижских рукописей» Маркса: «производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь» [5, 93]. Да, если *Маркс действительно говорил такое*, то его философская антропология – это *антигуманное учение*. В оригинале же читаем: «Das produktive Leben ist aber das Gattungsleben. Es ist das Leben erzeugende Leben». Обратите внимание: как здесь перевели словосочетание «*produktive Leben*» – «*производственная жизнь*».

Действительно, этим переводом они обезчеловечили мысль Маркса. Тут надо переводить как *продуктивная* (в смысле Э. Фромма), или на крайний случай как *производительная*, но никак не *производственная*! Если Маркс говорит о *производственном* аспекте деятельности, то он всегда употребляет слова, связанные с корнем *Produktion* (например, производственная активность – *Produktionsaktivität*, но никак не *Produktiveaktivität*).

Итак, для Маркса *сущностью человека* является сознательная *преобразующая* продуктивная деятельность. Что же происходит в процессе разворачивания этой деятельности? В самом общем виде следующее: движущей силой, «драйвером», запускающим человеческую активность, являются различные *потребности* («порождаются ли они, например, желудком или фантазией, – ничего не изменяет в деле» [2, 43]), которые сначала идеально репрезентируются в виде некоторых *целей* (образов, предвосхищающих будущий результат деятельности) и порождают в сознании *образ, идею предмета*, необходимого для удовлетворения этой потребности. Затем *цели и идеи, порожденные потребностью*, посредством трудовых операций *оформляются и воплощаются* в природном материале и тем самым человек *производит-для-себя предметность, новое, искусственное бытие*, не встречающееся в естественной эволюции природы *вне преобразующей субъект-объектной активности человека*. Иначе говоря, *внутреннее* человека (проекты, идеи, эмоции, знания, в целом – его *душа*) *переходит* во *внешнюю объективную вещь* (Маркс этот момент праксиса называет термином *Äußerung* – *отсвоением, проявлением себя в мире*) и застывает в ней, *опредмечивается*. Обратный переход воплощенного в предмете идеального снова к человеку осуществляется только в процессе *распредмечивания* (*Aneignung, Genuß, усвоения, делания-предмета-своим, присвоения предмета себе*), когда «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*) из предмета обратно переходит в форму деятельности (*Unruhe*) [2, 191-192], т.е. когда другие люди, используя предметность (пользуясь вещью, читая текст, слушая мою речь или музыку, воспринимая и интерпретируя мои жесты, выражение моего лица, воспринимая моё настроение), в своих действиях воспроизводят заложенное мною в ней *идеальное содержание (орудийную логику предмета)*.

Но этот живой диалектический процесс перетекания, высвечивания друг в друге *Äußerung* и *Aneignung* в русских переводах бездушно передают с помощью диалектики категорий *производства* и *потребления*. Да, формально это верно, ибо именно через деятельность *производящую* и деятельность *потребляющую*, через *производство* материальных и духовных предметов и их *потребление* в процессах опредмечивания и распредмечивания люди *связываются* друг с другом в социальную тотальность: в действительности человек «существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование [*wirklicher Genuß*] им, а с другой стороны – как тотальность человеческого проявления жизни [*Totalität menschlicher Lebensäußerung*]» [5, 119].

Но посмотрите как, в противоположность сухим производству и потреблению, Маркс говорит о феномене *присвоения*: «Присвоение *человеческой* действительности (*Die Aneignung der menschlichen Wirklichkeit*), её отношение к предмету, это – *осуществление на деле человеческой действительности, человеческая действенность и человеческое страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление [*Selbstgenuß*] человека» [5, 120]. А ниже Маркс добавляет: «Поэтому человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности* и *человеческая деятельность*» [5, 120].

Erzeugen. Стало быть, сущностное отличие праксиса от жизнедеятельности животного состоит в том, что животное *адаптируется к природе*, в то время как человек, напротив, *адаптирует природу к самому себе*, т.е. *производит, созидает* (в этом случае Маркс обычно употребляет глагол *erzeugen*, а не *produzieren*).

Обратим внимание, что в понятии *Erzeugen* Маркс мыслит не только *производство* в смысле *делания* или, как позже Хайдеггер, *про-из-ведение*, но в первую очередь диалектику

процессов *Äußerung* (опредмечивания сознания в производимую вещь) и *Aneignung* (распредмечивания опредмеченного сознания в практическом освоении предмета). Поэтому-то в «Капитале» Маркс рассуждает о *товаре* как о *чувственно-сверхчувственной предметности* [2, 80-81], поэтому, говоря, что в процессе *Erzeugen* «человек вкладывает живую душу в продукт труда, теряя при этом свою собственную» [4, 450], он говорит именно об *отчуждении*, а не просто об *экономическом факте* [5, 87]. С точки зрения Маркса, такое «производство [*Erzeugung*] средств, необходимых для удовлетворения потребностей», и есть «производство самой материальной жизни» [7, 26]. Предпосылки, с которых начинает Маркс, суть «действительные предпосылки (*wirkliche Voraussetzungen*)» [7, 18], а именно: «действительные индивиды (*wirklichen Individuen*), их деятельность (*Aktion*) и материальные условия их жизни (*materiellen Lebensbedingungen*), как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы (*erzeugten*) их собственной деятельностью (*eigne Aktion*)» [7, 18].

Поэтому думается, что *Erzeugen* лучше перевести как *созидание*, ибо в «производстве» слышится больше технических коннотаций, передаваемых словом *Produktion*. А ведь именно в силу этого технического перевода глагола *erzeugen* (как *производить*, а не *созидать*, также и в смысле *зачать, родить*: употребляемое Марксом слово *Zeugen* перевели как «*половой акт*» [5, 91]) *созидательная деятельность человека вообще* была редуцирована к одной из своих форм – *деятельности производственной* [8, 95]. Причем такой редукцией сильно гордились марксисты-позитивисты: наконец-то, мол, можно чисто эмпирически фиксировать в экономических, производственных механизмах и отношениях все содержание «социального». Но у Маркса этого *нет*: «Подчеркнем, – пишет В. Ф. Шелике, – что Маркс и Энгельс выбрали для исходного определения социальной деятельности именно *erzeugen*, а не *produzieren*, и это не случайно. Из исходных определений Маркса и Энгельса трех сторон социальной деятельности напрашивается вывод, что потребность и способность человечества к созиданию по существу есть родовая сущность человека (человечества)» [8, 98].

Die Arbeit. В свете вышесказанного возникает правомерный вопрос об адекватности перевода немецкого слова *die Arbeit* на русский язык, так часто фигурирующего в работах Маркса. Трудность адекватного перевода этого немецкого слова состоит в том, что в русском языке оно передается, по крайней мере, двумя словами: и как *работа*, и как *труд* (*Lohnarbeit* – *наемный труд*), которые имеют различную оценочную модальность: под *трудом* обычно понимают человеческую деятельность вообще, а под *работой*, как правило, конкретную трудовую деятельность, причем с негативными коннотациями («*работа – не волк...*», что хорошо схватывается в английском слове *toil*). В силу же того, что у Маркса мы наблюдаем подобную семантическую двойственность при употреблении слова *die Arbeit* (в одном случае о «*die Arbeit*» Маркс говорит как о *труде вообще* как о родовой характеристике человека (*die Praxis, die Tätigkeit*), а в другом – как о чем-то *тяжелом, нудном, утомительном и обесчеловечивающем*), то при переводе конкретного словоупотребления надо учитывать тот контекст, в котором этот термин стоит в текстах Маркса.

Более того, Маркс родовую сущность, помимо *die Arbeit-труд*, именует такими терминами, как *die Praxis, die Praktik, die Tätigkeit*, различая внутри нее *деятельность подлинную* (*die Selbstbetätigung*) и *деятельность неподлинную* (*die entfremdete Arbeit*). И в этом плане надо чутко улавливать эти важнейшие семантические коннотации понятия *die Arbeit* в текстах Маркса: если речь идет о деятельности, праксисе как о *родовой сущности человека*, то тогда *die Arbeit* следует переводить как *труд*; если же речь идет о *неприятной, вынужденной, отчужденной форме деятельности*, то тогда лучше эту экзистенциальную коннотацию передать русским словом *работа*.

Достаточно сравнить приведенные ниже три фрагмента Маркса, чтобы понять, что понятие *die Arbeit* употребляется в них в различной форме, и если мы без соответствующих контекстуальных пояснений будем его переводить как *труд* или *работа*, взятых в качестве синонимов, то ускользнет все экзистенциальное у Маркса.

1. «Производство человеческой деятельности как *труда* [*menschlichen Tätigkeit als Arbeit*], т.е. деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению [*Lebensäußerung*], абстрактное существование человека исключительно лишь как *человека труда* [*Arbeitsmenschen*], который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие» [5, 102] (здесь надо перевести как *работа*).

2. «Процесс труда... в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее формам» [2, 195].

3. «Только на этой ступени самостоятельность (*Selbstbetätigung*) совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самостоятельность (*die Verwandlung der Arbeit in Selbstbetätigung*) и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые» [7, 69] (здесь также надо переводить как *работа*).

Именно в свете этого различия надо понимать известное место из «Немецкой идеологии», в котором К. Маркс и Ф. Энгельс говорят об *уничтожении труда* (*Aufhebung der Arbeit*). Полагаем, что проведенный анализ делает это место совершенно ясным: *здесь под трудом* Маркс и Энгельс подразумевают не *деятельность вообще* (*Praxis, die Tätigkeit*) (таковая может исчезнуть только вместе с человеком), а только несвободную, вынужденную деятельность, существующую в капиталистическом обществе и приносящую страдания (*die Arbeit*) [1]. *Aufhebung der Arbeit* это не *Aufhebung der Tätigkeit*!

С другой стороны, поскольку подлинность и неподлинность (отчужденность) человеческого бытия определяются *содержанием* этого бытия, а значит, *содержанием человеческой деятельности* (коль скоро она – сущность человека и способ его присутствия-в-мире), то человек мыслится Марксом как *Homo actus*, то именно *содержание его acti* и определяет подлинность или неподлинность его бытия как существа *человеческого*: если его деятельность – деятельность свободная и приносящая ему радость и чувство полноты бытия, то он – *Homo creator*, если его деятельность – несвободна, вынужденная, отчужденная, калечащая его физически и духовно, то человек тогда – *Homo oeconomicus*.

Таким образом, для Маркса просто немыслимо распространение *Arbeit-работы* на все общество в целом. Это было бы увековечиванием рабства, а поклонение такой *Arbeit-работе*, которое имело место в советском обществе, было своеобразным квазирелигиозным возвеличиванием такого скотского состояния, характерного для антагонистических общественных формаций. С точки зрения Маркса, только коммунистическая революция сбрасывает «с себя всю старую мерзость» (*ganzen alten Dreck*) и уничтожает не один господствующий класс, заменяя его другим господствующим классом, а всю «современную форму деятельности» (*die moder[ne] Form der Tätigkeit*) [7, 70], то есть труд (*die Arbeit*): «...при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, – всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд*» [7, 70].

Полагаем, что проведенный анализ делает это место совершенно ясным: под *работой* Маркс подразумевает не *деятельность вообще* (*Praxis, die Tätigkeit*) (таковая может исчезнуть только вместе с человеком), а только несвободную, вынужденную деятельность, существующую в капиталистическом обществе и приносящую страдания (*die Arbeit*).

Der Verkehr. В связи с производственным прочтением терминов *erzeugen, produktiv* и *die Arbeit* в русских переводах текстов Маркса необходимо указать и на весьма показатель-

ный казус с одним из фундаментальнейших понятий Маркса – категорией *Verkehr*. Известный российский философ-марксист В. Ф. Шелике справедливо указывает, что понятие *Verkehr*, означающее *общение* в самом *широком* смысле, в собрании сочинений Маркса и Энгельса обычно переводят как *обмен*, связывая его только с *производственными отношениями*, упуская при этом радикально широкие семантические поля этого немецкого слова [8].

Приведем пару примеров такого перевода. Так, сам Маркс в знаменитом письме П. В. Анненкову (28.12.1846) говорит о многозначности немецкого слова *Verkehr*, сравнивая его с французским *commerce*, но сам использует эти слова еще в очень узком смысле [3, 403], который радикально расширен им уже в «Немецкой идеологии» (1846-1847). В «Манифесте Коммунистической партии» (1848) Маркс и Энгельс пишут: «Wir sehen also, wie die moderne Bourgeoisie selbst das Produkt eines langen Entwicklungsganges, einer Reihe von Umwälzungen in der Produktions- und Verkehrsweise ist», у нас же переводят: «Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена» [6, 426]. Безусловно, в этой фразе перевод категории *Verkehrsweise* как «способ обмена» абсолютно неуместен, ибо речь, конечно же, идет о *форме общения*, которая складывается на основе буржуазного способа производства и которая пронизывает все поры капиталистического общества: если материальные и духовные ценности – *потребительные ценности*, *Gebrauchswert* (которые у нас, опять-таки, чисто в экономическом ключе перевели как *потребительные стоимости*) – производятся как *товары*, то и все отношения между людьми (производственные, государственные, семейные, межличностные, духовные) также окрашиваются в цвета господствующей формы общения.

В «Капитале» (1867) Маркс прямо заявляет, что «предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему «Produktions- und Verkehrsverhältnisse», т.е. «отношения производства и общения», в то время как в русском переводе значится «отношения производства и отношения обмена» [2, 6]. Тем более нелепым этот перевод выглядит в свете примечания к «Немецкой идеологии» (1845-1846), где редакторы указали, что, дескать, в понятии *Verkehr* нашло свое выражение формировавшееся тогда у основоположников понятие *производственных отношений* [7, 590-591]. В. Ф. Шелике справедливо возмущается: «Понять на этой основе, что же имел в виду Маркс (Подставьте, получится: “Предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и производственные отношения”), – невозможно в принципе» [9]. Более того, во Введении к *Grundriß* (1957) Маркс прямо указывает, что он желает исследовать не просто «обмен», а именно «Produktionsverhältnisse und Verkehrsverhältnisse», – благо, что здесь дан верный перевод: «Производственные отношения и отношения общения» [4, 46].

Не подлежит сомнению, что для Маркса *Verkehr* – это фундаментальное понятие, посредством которого описывается *движение* любых социальных структур: то, как люди производят и в силу самой организации производства общаются; то, как в зависимости от производственных структур они обмениваются (дарообменом, грабежом, бартером, куплей-продажей); то, как эти отношения производства, обмена и распределения постепенно переносятся на межличностное общение (например, меркантильные отношения-к-Другим в буржуазном обществе), коммуникацию, на отношения между родителями и детьми, между мужчиной и женщиной [5, 115-116], внутриклассовые и межклассовые отношения; наконец, то, как внутренний, интимный мир постепенно входит в соответствие господствующему способу производства и формам общения, им детерминированных (например, если все продается, то и любовь, – а *Verkehr* – это и половая связь [«без общения и дети на свет появиться не могут, а следовательно, без общения не будет людей и прекратится всякая история, как прекратится она и без производства средств для жизни!» [9]], – тоже начинает проституироваться). Соответственно, базисные (производственные) формы *Verkehr*'а постепенно, шаг за шагом

пронизывают, пропитывают собой человеческие отношения вообще (от отношения к вещам до экзистенциального отношения к самому себе).

Выводы. Итак, мы видим, что в некоторых случаях те или иные понятия Маркса, даже погруженные в экономический контекст, нельзя переводить словами с явно производственно-техническими коннотациями, ибо тем самым ускользает философско-антропологический и даже в некотором отношении экзистенциальный смысл марксовской терминологии. В силу всего этого, как нам представляется, сегодня назрела потребность не только в новых переводах основных работ немецкого мыслителя, но и необходимость в радикальном переосмыслении всей его философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джохадзе, И. Номо faber и будущее труда / И. Джохадзе // Логос. – 2004. – № 6. – С. 3-17.
2. Маркс, К. Капитал I / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Т. 23. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – С. 45-784.
3. Маркс, К. Письмо П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. В 27 т. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1962. – С. 401-412.
4. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Т. 46. Ч. 1. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – С. 3-508.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Т. 42. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – С. 41-174.
6. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Т. 4. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – С. 419-459.
7. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Т. 3. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – С. 9-544.
8. Шелике, В. Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности. Ч. 2 / В. Ф. Шелике // Философские науки. – 2013. – № 4. – С. 94-107.
9. Шелике, В. Ф. Обесчеловечивание Маркса «марксистско-ленинскими» переводами с немецкого [Электронный ресурс] / В. Ф. Шелике // Режим доступа: <http://hanguet.narod.ru/Freunde/menschlich.htm>.